

ПАНИКА

Мужчины на грани нервного срыва

© Мика Мюллюахо 2005

Перевод с финского Йоэля Лехтонена и Павла Руднева

Перевод осуществлен при поддержке
FILI - Информационного центра Финской литературы

Действующие лица:

М А К С, художник-дизайнер

Л Е О, инженер-конструктор

Д Ж О Н Н И, телеведущий

Всем мужчинам - от 35 до 40 лет.

Действие происходит в мегаполисе в наши дни.

Сцена первая

Современная квартира. Гостиная, совмещенная с кухней. Из гостиной ведут двери в спальню, ванную комнату и на лестничную площадку. На авансцене широкий диван, два небольших стула. На стене большой плоский телевизор. Слева холодильник и стойка для приготовления пищи, на ней стоит кофе-машина. Это квартира Макса. Стиль – простой, минималистский. Ни одного лишнего предмета.

На экране телевизора загорается логотип программы «Alter ego». Джонни появляется в кадре и начинает броско и неистово вести передачу.

Джонни. Добрый вечер и добро пожаловать в программу «Alter ego»! Сегодня у нас в гостях, как обычно, очень интересный собеседник. Про это событие говорит вся страна. В минувший вторник наш сегодняшний гость без всяких оснований уволил более тысячи человек. И сегодня он будет отвечать за свои поступки в прямом эфире в нашей телестудии. Нам предстоит узнать, сломается ли он под напором наших вопросов или его сердце действительно сделано из камня. Не переключайтесь. Сегодня и сейчас мы увидим это в программе «Alter ego».

Заставка «Alter ego».

Сцена вторая

Глубокая ночь. Звонок в дверь. Макс выходит из спальни, открывает дверь. В квартиру входит Лео, он в деловом костюме, в руках у него ноутбук и большой чехол для перевозки одежды. Заметно, что он крепко пьян.

Макс. Привет, Лео... Ты чего приперся? Э, да ты что, бухой что ли совсем?

Лео. *(стараясь выглядеть трезвым)* Был кошелек... И нет кошелька!.. А вот и он!

Макс. Господи, ты же совсем пьяный!

Лео. Я никак не мог вспомнить твой новый адрес. Довел шофера до бешенства. Мы покружили здесь прилично, осмотрели, так сказать, местные достопримечательности. Какова хрена ты купил квартиру в промышленной зоне? Ты чем думал?

Макс. Чего?

Лео. Я уже было совсем отчаялся, думал, потерял его на фиг... ну, кошелек... вроде я его где-то в аэропорту посеял... я обошел все места... но наконец, мы его нашли и вот я у тебя...

Макс. Лео... Который час? Тебе завтра не надо на работу?

Лео. Надо, но за завтра я не беспокоюсь. Завтра у меня есть право заболеть, возьму больничный. Слушай, поставь какую-нибудь музыку, а?

Макс. Нет, Лео, нет!

Лео ставит диск группы «U2», музыка играет довольно громко. Макс делает чуть тише.

Лео. Любовь... Любовь... Что это такое? Я не понимаю, Макс. Вот скажи мне, что такое любовь?

Макс. Не знаю.

Лео. Вот именно. Давай вместе порассуждаем. Это что-нибудь осязаемое? Можно ее, к примеру, засунуть в бутылку? Вот, Макс, ты помнишь, когда был первый раз влюблен?

Макс. Нет, не помню!

Лео. А я помню мой первый раз. Это был в детском лагере. Мне было тринадцать. Она была из Норвегии.

Макс. Слушай, Лео, серьезно. Время - половина четвертого ночи. Мне спать надо, и на самом деле не очень хорошо...

Лео. Первый поцелуй - это самый счастливый момент в моей жизни.

Включает музыку погромче. Громко подпеваает. Макс резко обрывает запись.

Макс. Перестань. Весь дом перебудишь.

Лео. А теперь Макс, все это пропало. Только одно воспоминание.

Макс. Неправда.

Лео. Макс... Если мне будет нужна помощь, я могу на тебя рассчитывать?

Макс. Конечно.

Лео. Правда?

Макс. Ну да...

Лео. Точно-точно?

Макс. Ну хватит одно и то же повторять. Конечно, помогу.

Лео. Я устал от своей работы. Я объездил все выставки на свете. Я всю свою жизнь продаю лифты. А у тебя работа творческая. Дизайнер... Супер... Даже звучит изящно. Я у тебя переночую?

Макс. Так, всё, я вызываю такси, и ты едешь домой.

Лео. Можно, я останусь у тебя?

Макс. Хватит, Лео. Ты сейчас отправляешься к себе домой. Обувайся. Понимаешь... Нельзя тебе у меня оставаться.

Лео. Как это нельзя? Почему? У тебя там кто-нибудь есть?

Макс. Никого у меня нет. Работа у меня. Все, я вызываю такси.

Лео. Работа... Посредине ночи?

Макс. Я не смогу заснуть, если ты будешь рядом. И потом у меня нет второй кровати.

Лео. Да ничего, я тут на диване полежу.

Макс. Хватит, Лео. Подумай, что скажет Мари. Давай, иди уже домой.

Лео. Не могу я домой идти...

Макс. Почему?

Лео. Не могу и все. Я сейчас в Берлине нахожусь.

Засыпает.

Макс. Чего?

Лео. Я в Берлине...

Что-то невнятно напевает по-немецки.

Макс. Что-что? Я не разрешаю тебе здесь спать. Так, я варю тебе кофе, ты просыпаешься и уматываешь. Не могу я спать, когда кто-то рядом. Это у меня уже проверено. Тем более ты храпишь. По крайней мере, раньше храпел. Но даже если теперь ты уже не храпишь, я все равно не смогу заснуть, если кто-нибудь дышит рядом. А потом ты еще начнешь расхаживать среди ночи, двигать стулья, ходить в туалет, греметь дверью... Нет, Лео, нет. Сейчас же одевай брюки. Лео, нет... Не спи... (*Лео спит.*). Ну ладно, спи уж, только не храпи.

Пауза. Лео храпит. Затемнение.

Сцена третья

Утро следующего дня. Макс в восточном халате делает гимнастику по технике цигун. Лео очень стыдно за свое ночное вторжение в квартиру Макса. Он нервно потягивает кофе, звеня ложечкой по кружке. Это явно выдает его беспокойство.

Лео. Блин, ну какой же вкусный у тебя кофе. Отлично сварен. У тебя адская машинка. Я давно Мари говорил, чтобы она купила хорошую кофеварку. Только они очень дорогие... Если хорошие. Это «Гагия», да?

Макс. «Гаджиа».

Лео. Хорошая машинка. Я не переношу растворимого кофе. Желудок бунтует. С другой стороны, я заметил, когда пьешь пиво, то желудок на это еще сильнее реагирует. Все зависит от бактерий. Вот Мари говорит, что во мне очень много плохих бактерий...

Макс. Дисбактериоз...

Лео. Прости меня, Макс, что я к тебе среди ночи приперся, мне больше не к кому было пойти. Я звонил твоему брату, но у него были какие-то дела. Вы же мои единственные друзья. Настоящие. Вместе в школе учились, в лагере вместе зажигали... В последние годы, конечно, мы все много работали, особенно времени для встреч не было. У меня, конечно, есть друзья на работе, но не могу же я к ним заявиться среди ночи... У тебя диван, кстати, неудобный, но ничего, я выспался. Да... Голова немного гудит с похмелья, но ничего, ничего... Кофе на самом деле спасает. Бодрит. Хорошая кофеварка. «Гаджиа»... Извини меня, пожалуйста, что я тебя разбудил.

Макс заканчивает зарядку.

Макс. Ничего, у меня сегодня немного дел. И все-таки я должен сесть и доделать одну верстку. Может, ты пойдешь уже домой, а?

Лео. Не могу.

Макс. Почему?

Лео. Ну потому что Мари думает, что я в Берлине в командировке.

Макс. Что случилось?

Лео. Эх... Вчера утром мы завтракали, и я спросил у Мари, будет ли ей грустно без меня. Она сначала как-то немного странно повела лицом, потом подумала и сказала, что ничего страшного не случится, если меня неделю не будет. Она сказала, что мне надо кое о чем там подумать. Я спросил, о чем мне нужно подумать в Берлине, и она сказала, что у нее такое чувство, что я не знаю, чего я на самом деле хочу и что чувствую по отношению к ней. И еще она сказала: «Тебе нужно определить приоритеты, Лео»...

Макс. Что она имела в виду?

Лео. В том и вопрос, Макс! О каких делах, о каких отношениях, о чем я должен подумать? Да еще и целую неделю! Ты же знаешь, я люблю ее. Я вышел из дома, зашел попить пиво в паб и тут же начал думать. Но только вот так и не придумал, с чего начать. Я даже не понимаю, что не так!

Макс. Ерунда какая-то.

Лео. Ерунда? Теоретически я готов на что угодно, но тут... из-под моих ног словно землю вынули!

Макс. Прости, я чего-то все-таки не понимаю...

Лео. Ну послушай, я знаю Мари. Если она говорит что-то, это серьезно. Мне сейчас помощь требуется, Макс.

Макс. Ну, хорошо. У меня есть пару хороших психологов. Сейчас найду контакты и ты им позвонишь.

Лео. Подожди, я не хочу так.

Макс. Почему?

Лео. Я не из тех, кто ходит к психоаналитикам.

Макс. Да? Из каких это «не из тех»?

Лео. Таких, как ты, например. И у меня нет таких денег. И потом за неделю я все равно не успею.

Макс. Кстати, да.

Лео. Знаешь, у меня есть идея, но я не уверен, что она осуществима. Вот если бы ты помог мне...

Макс. Давай, выкладывай.

Лео. Ты вроде довольно долго посещал психоаналитика? У тебя есть опыт...

Макс. Ну, не так уж и долго...

Лео. Ты знаешь, как привести себя в порядок.

Макс. Кое-какие методы знаю.

Лео. Ты бы мог научить меня, как это делать? Мне надо сосредоточиться на своих чувствах.

Макс. Наверное, мог бы...

Лео. Давай же быстрее научи меня какой-нибудь штучке! Давай выкладывай!

Макс. Чего?

Лео. Ты должен стать моим психоаналитиком.

Макс. Нет.

Лео. Ну ты же много знаешь... Пойми, у меня нет другого выхода. У тебя опыт. Я не могу потерять Мари!

Макс. Да не могу я быть твоим психоаналитиком!

Лео. Почему?

Макс. Тебе нужна помощь специалиста. Если ты действительно в ней нуждаешься. Как ты мог вообще предположить, что я могу этим заниматься?

Лео. Ты же всегда говорил, какая простая эта работа. Им нужно только молчать и слушать и получать за это сто евро в час.

Макс. Ну да, да... Но идея психоанализа в том, что у тебя нет никаких связей с психологом. Никаких, даже дружеских. Только тогда ты можешь ему себя доверить.

Лео. Я буду с тобой откровенным.

Макс. Разве ты способен рассказать мне все без утайки?

Лео. Я не шучу с тобой. Я серьезно тебя прошу. Если ты мне хоть капельку друг, помоги мне. А?

Макс. Что «а»?

Лео. Будешь моим психологом?

Макс. Да не могу я. Это не так просто за неделю поставить человека на ноги. Тем более, это нельзя доверять любителю.

Лео. Ты меня разочаровал. Вчера ты пообещал мне, что поможешь, если мне это будет нужно.

Макс. Да. Но тут - другое.

Лео. А, по-моему, никакой разницы. Ты просто не хочешь мне помочь и все.

Макс. Конечно, хочу. Но это не моя работа. Я готов дать тебе кучу телефонов. Тебе достаточно поднять трубку.

Лео. Макс, ты всегда был трусом.

Макс. Что ты болтаешь? Я не психиатр, как ты понять не можешь?

Лео идет в ванную комнату, нарочито громко хлопает дверью и закрывается на замок. В квартиру входит Джонни. Разговаривает по сотовому телефону через устройство hands-free. У него в руках - пакет с едой.

Джонни. (нервно) Да, да, да, да, да, хорошо, хорошо, хорошо... Все надо выяснить. Выведать любую мельчайшую детальку. Свяжись с Индией, спроси, где он там был? Чем питался? С кем жил? Где жил? Кто был его наставник? Выведай про его детство, про его друзей. Я хочу получить интервью каждого из них. Это очень важно, постарайся меня понять. Нет, нет, плакать тут совсем не обязательно. Да, я тебя понимаю, но нельзя же плакать два месяца из-за какого-то коккер-спаниэля. Да, это тяжелая утрата, но пора уже

свыкнуться с мыслью, что Бобо нас покинул. Теперь мы должны идти дальше, делать наше шоу. И я очень надеюсь, что для его успеха будет трудиться еще кто-нибудь, кроме меня.

Макс. Печенье принес?

Джонни. Блин, слушай, забыл.

Макс. Ну понятно, как всегда. Тебе что лень прочитать, что я написал тебе?

Джонни. (*говорит по сотовому*) Нет! Послушай меня внимательно. Наша программа держится на доверии. Мы должны выстроить с ним доверительные отношения.

Макс. Что это за майка?

Джонни. Принес тебе. Только что привезли, новенькая. (*по сотовому*) Только не надо тут своевольничать! Работаем по той же схеме! Хорошо?

Макс. Что тут написано-то? Господи, «Alter ego». Это твоя рекламная майка?

Джонни. Да. Как тебе?

Макс. А кто придумал такой логотип?

Джонни. Ну мне откуда знать?

Макс. Но ты же должен знать! Убогий логотип.

Джонни. (*по сотовому*) Нет, нет... Все ты успеешь... Все, не могу больше говорит, я тут у брата. Хорошо, пока. Чьи это вещи, кто у тебя?

Макс. Лео пришел.

Джонни. А, это он к тебе теперь приперся... Он разбудил меня среди ночи, но я так ничего и не понял. Пьяный в жопу звонил. Я дал ему твой адрес.

Макс. Отлично! А свой почему не дал?

Джонни. Да я всю ночь проездил на своей новой машине.

Макс. Ты, конечно же, имеешь в виду машину твоей программы? Новый «хаммер»?

Джонни. Это классно, Макс. Оттуда же улицу лучше видно. Фантастическая панорама! Я тебя прокачу, словишь настоящий кайф. На колесах чувствуешь себя как бог. (*говорит по сотовому*) Ну что там опять?

Макс. Чего?

Джонни. Ой, извини, я думал... Карита, привет! Нет. Мне ужасно приятно, что ты звонишь. Помню ли я? Конечно, помню! На концерт с тобой? Могу. У тебя есть билеты? Отлично. Окей. Целую, обнимаю, пока-пока... Так что с Лео?

Макс. У него проблемы.

Джонни. Ясно.

Лео выходит из ванной комнаты.

Джонни. Привет, Лео.

Лео. Меня чего-то шатает.

Джонни. Что с тобой?

Лео. Не знаю, какое-то странное ощущение. Туман в голове. Все гудит. Лицо немеет. Дышать тяжело. Кислорода не хватает.

Макс. Знакомая история. Джонни, быстро бумажный пакет! Сядь.

Лео. Что со мной?

Макс. Сейчас Джонни принесет пакет, будешь в него дышать.

Лео. Дышать в пакет?

Макс. Да, да.

Лео. (*Джонни приносит пакет, Макс опускает туда голову*) Здесь булочки.

Макс. Давай их сюда.

Лео вынимает булочки из пакета.

Лео. Господи, что со мной?

Макс. У тебя приступ гипервентиляции. Джонни, принеси ему воды.

Лео. Как ты сказал?

Макс сосредоточен.

Макс. Перенасыщение кислородом. Твои легкие гикнули, не могут уже фильтровать воздух.

Лео. Это что-то серьезное?

Старается глубоко дышать, пыхтит, задыхается.

Макс. Нет, нет. Это стресс. Реакция организма на стресс.

Лео. Да нет у меня никакого стресса.

Макс. Так, выпей воды. Дыши в пакет. Вот так. Спокойно. Видишь? Углекислый газ уходит в пакет, и легкие теперь снова превращают кислород в кровь. Вот. Спокойно. Спокойно.

Лео дышит в пакет.

Джонни. Что с тобой стряслось?

Лео. Да ничего особенного.

Макс. Ничего особенного? Мари задала ему небольшую задачку.

Лео. Мне нужно о многом подумать наедине.

Макс. погоди. А что она имела в виду, когда велела “определить приоритеты”?

Лео. Да вот то и значит!

Макс. Что она сказала конкретно?

Лео. Она сказала, что я должен научиться слушать свои чувства, затем остановиться и подумать.

Макс. Так это же три разных приоритета! Постарайся точно вспомнить, что конкретно тебе Мари сказала!

Лео. Она сказала: «Вернешься домой только тогда, когда будешь хоть в чем-то уверен».

Макс. И это уже четвертый приоритет. И это всё разные вещи! Что у нас есть? Во-первых, остановиться. Во-вторых, подумать. В-третьих, научиться слушать свои чувства. В-четвертых, вернуться домой, когда будешь в чем-то уверен.

Лео подавлен.

Лео. Я точно не помню. Я тогда здорово растерялся, мужики.

Джонни. Если я правильно понял, у вас какие-то проблемы.

Макс. Какие-то?

Джонни. Да, да, научиться слушать свои чувства, подумать, остановиться... Да обычная трепатня между бабой и мужиком!

Макс. Ну здесь же колоссальная разница! Немного подумать или действительно что-то совершить... Например, ты вдруг замечаешь что, оп-па, а квартира-то у нас не убрана!

Джонни. Да, да, да...

Макс. Это значит, что ее надо бы убрать. А, с другой стороны: «Ого! Сколько у нас лишней мебели, мы все захламили, загадили». И делаешь что-нибудь полезное. Все выбрасываешь к чертовой матери. Читаешь пособие по фэн-шуй и спишь на соломенной циновке.

Джонни. (по сотовому) Ты что, собираешься ехать на метро? Давай я лучше приеду за тобой на хаммере?

Макс. Так ты все это время болтал по сотовому?! Ты же вообще его (показывает на Лео) не слушаешь. Это оскорбительно, тебе не кажется? Оскорбительно, Джонни!

Джонни. Извини, Лео, меня мучают с передачи. Но теперь я полностью твой. Значит так, Мари хочет, чтобы ты научился слушать свои чувства. Не так ли? Вы должны помнить,

что вас двое - ты и Мари. Вы стали единым целым, когда начали общаться. Понимаешь, друг?

Лео. Да, продолжай.

Макс. Тебе нужно как бы мысленно воссоздать то дивное путешествие, на которое вы вместе решились... Вы же лет десять вместе?

Лео. Тринадцать.

Джонни. Вот именно. Надо остановиться на тех моментах, когда в вашей общей жизни случались самые значительные события, вехи. Понимаешь? Переезды, перемены работ, праздники, дни рождений, совместный отдых, кризисные моменты... И если ты все это вспомнишь, соберешь в своей голове как мозаику, то осознаешь, поймешь тут же, что это были моменты, которые тебя встряхнули, выжали, заставили помучаться. Значит все-таки есть причины, ради которых ты все еще в семье, Лео. Не надо так переживать, надо задуматься. Возьми бумагу и нарисуй на ней кривую линию вашей жизни, обозначь ваши общие переживания, общие события. Пару часов потрать на это, и твоя голова встанет на свое место!

Макс. Прости, Джонни... Я должен отменить это. Пару часов, шутка ли! Да не фига подобного. Лео сейчас надо погрузиться в самого себя и забыть Мари. Он должен сосредоточиться и раскрыть собственные внутренние ресурсы, которые управляют механизмом его жизни. Только после этого Лео, возможно, будет знать, как по-новому организовать его жизнь и даже как полностью измениться как личность. А ты - пару часов...

Джонни. Только через Мари ты можешь понять свое поведение.

Макс. Неправда. Только изучив себя изнутри, можно изменить свое поведение.

Джонни. Мари – это твое зеркало.

Макс. А зеркала обычно кривы.

Джонни. Зеркала отражают истину.

Макс. Неправда. Между зеркальным отражением и тобой всегда есть пространство. Это пространство есть заблуждение.

Джонни. У меня есть идея.

Макс. Ты что, опять по сотовому?

Джонни. Я мог бы взять тебя гостем на нашу программу на будущей неделе.

Макс. Чего?

Лео. Ух ты...

Джонни. Поедем в студию. Я возьму у тебя интервью. Поговорим о твоей жизни, о тебе. Понимаешь, обычно в студии люди бог знает в чем готовы признаться перед миллионами телезрителей. Это такой ритуал публичного очищения. И если будет хорошо, то мы пустим это в эфир. Согласен?

Лео. На самом деле интересно. Быть твоим гостем. Хотя бы раз в жизни...

Джонни. И если Мари увидит тебе по телику... Я обещаю... У тебя с ней все сложится!

С этой точки разговор становится более интенсивным. Мужчины начинают перебивать друг друга.

Лео. Если Мари увидит меня по телевизору... Да, это будет круто, конечно. И чтобы я говорил с экрана о наших интимных делах...

Макс. Я просто не верю своим ушам. Как ты можешь, Лео, всерьез об этом думать? Твой конфликт с Мари сделать темой ток-шоу?!

Лео. Ну, понимаешь...

Джонни. По-моему, эта штука может быть занятной. Потому что я тебя очень хорошо знаю, мне будет легко включиться в твою жизнь.

Лео. Но ведь меня никто не знает...

Макс. Так ты станешь знаменитостью! Это же здорово вообще. "Да, только всемирная известность помогла мне понять, как вернуться к Мари!"

Джонни. Что ты злорадствуешь? Я же стараюсь ему помочь.

Макс. Извини, но мне кажется, что это совсем ему не поможет. Ты просто уходишь от проблемы.

Джонни. А это лишний раз доказывает то, что я прав! А твой негатив только разрушает нашу дружбу.

Макс (*зверая*) Врешь!

Джонни. Так и есть. Ты очень негативный человек.

Макс. Я совсем не негативный.

Джонни. Негативный!

Макс. Я совершенно не негативный! Я знаю точно, как Лео должен поступить!

Пауза.

Джонни. Прекрасно! Ну что же, начинайте! А я пока в студию съезжу. Но позже я вернусь и проверю, как у вас тут дела идут. Лео, я был рад тебя увидеть, старина. Удачи!

Джонни уходит. Лео и Макс сидят на диване.

Лео. И что будем делать?

Затемнение.

Сцена четвертая

Макс обучает Лео упражнениям по технике цигун.

Макс. Вдох, выдох... Выдыхаешь, когда опускаешь руки. Когда поднимаешь, вдыхай.

Лео. Хорошо.

Макс. Повтори десять раз, и переходим к следующему упражнению.

Лео. Мне так хорошо с тобой.

Макс. Сосредоточься на дыхании, это важно. Выдох всегда через нос и держи язык за зубами.

Лео. Зачем?

Макс. Это очень важно.

Лео. Но так говорить тяжело.

Макс. А тебе сейчас вообще не надо говорить. А если в голову лезут дурацкие мысли, то гони их прочь.

Лео. Окей... Три... Четыре...

Макс. Молодец, продолжай в том же духе. Окей. Давай поразмыслим. У нас осталось пять дней до встречи с Мари. Обещать ничего не могу, но мы будем стараться. Всего мы не успеем поделаться, мы скованы временем. Ты должен во всем меня слушаться. Отныне мы никакие не друзья. Слышишь?

Лео. Я понимаю, ведь теперь ты мой психоаналитик.

Макс. Нет, нет... Я не твой доктор. Я твой... помощник, или наставник... или лучше инструктор, персональный тренер... Понимаешь, перед тобой лежит гигантский лабиринт, головоломка... бурелом... Здесь сосредоточилось всё... твоё детство, родители, уют родного дома, и, черт возьми, даже все те фильмы, которые ты видел в своей жизни. Подумай... Но имей в виду. Вполне возможно, что Мари может бросить тебя насовсем в конце этой недели.

Лео. В смысле?

Макс. Вдруг тебя осенит, и ты найдешь внутри себя совсем другого человека. Например, какого-нибудь придурка...

Лео. Придурка?

Макс. И знаешь, как тогда поступит Мари? Выбросит этого придурка из дома и станет превосходно жить-поживать. Копаться в себе самом, понимаешь ли, не всегда приятно. За неделю можно в такие края напутешествоваться... Тем более, с таким непрофессионалом, как я. Обратной дороги нет, и может статься, что ты так и останешься скитаться на задворках своего подсознания до скончания дней своих.

Тишина.

Лео. Ты сейчас что имел в виду?

Макс. Случиться может все, что угодно. Ты не расхотел, Лео? Может, все это бросим?

Лео. Не, я хочу еще.

Они продолжают упражнения с большей интенсивностью.

Макс. Хорошо. Что у нас еще на сегодня? Ах ну да... Утренний дневник. Ты заполняешь его каждое утро, сразу после пробуждения. Вот прямо в постели, буквально еще даже не посав, напиши три страницы от руки. Пиши все, что придет в голову. Хочешь, сны записывай. Хочешь, стихи. Самое важное – это написать три страницы.

Лео. Три страницы? Это можно.

Макс. Видишь, ты уже начинаешь к себе прислушиваться. Все, что тебе нужно сейчас, это находиться внутри себя. А у тебя там много всего... Обычно уходит от двух до семи лет, чтобы научиться понимать себя. Тебе же надо освоить эту же технику за неделю.

Лео. Недели должно хватить. Что еще я должен делать?

Макс. Задача номер два. В эту красную тетрадь ты записываешь по порядку сто пунктов - что тебя устраивает в твоей жизни.

Лео. Это мне нравится.

Макс. Задача номер три. Нужно найти пять человек. Тех, кого ты уважаешь. Постарайся пояснить, почему ты их уважаешь, выбери пять причин и их тоже запиши в тетрадь.

Лео. А ты тоже так делал, когда лечился?

Макс. Ну... знаешь... в общем да... Так все делают. Задача номер четыре. Психодрама.

Лео. Ну, может, хватит на сегодня?

Макс. Лео, если мы уже начали что-то делать, то какой первый закон? Не жаловаться.

Лео. Ну, хорошо, хорошо, я просто не понимаю, как конкретно мне это может помочь.

Макс. Вот смотри, внутри тебя живет маленький человечек. Крошечный-крошечный. И ты как бы вырос над ним. Или... вот представь себе какую-нибудь деревеньку, где ты бывал в детстве. Ты вдруг в эту деревеньку возвращаешься и изумляешься тому, как она выросла, изменилась... Деревня стала большим городом и уже больше не похожа на то прежнее место, которое ты знал и сохранил в памяти. Но все-таки, где-нибудь в центре этого города, все равно притаилась та самая маленькая деревушка, с которой все начиналось, или хотя бы какое-то напоминание о ней. То самое место, которое ты когда-то любил. И теперь твоя задача отыскать это место в огромном городе, потому что там сосредоточено все, что делало тебя счастливым.

Лео. Да надо просто карту города найти, и все.

Макс. Считай, что ты эту карту уже потерял.

Затемнение.

Сцена пятая

В квартиру входит Джонни с пакетом в руках и несет его к холодильнику.

Джонни (*нервно разговаривает по сотовому телефону с редактором*) Да, да, да, да, да... Постарайся это понять! Или тебе все из пластилина лепить? У нас завтра прямой эфир, а ты мне заявляешь, что у меня проблемы. А совсем не у тебя. Ты вообще создаешь мне кучу проблем. Я не буду завтра на своей передаче импровизировать! Ну, хорошо... Все, у меня другая линия.

Макс. Что? Опять?

Джонни. Подожди секунду, я сейчас договорю. Да. Это ты, Карита? Концерт Мадонны? Какой еще Мадонны?

Макс. Чего?!

Джонни. О, черт, я забыл, я просто не успел. Карита, прости, я испортил тебе настроение. Обещаю, я все устрою. Прости, кто-то рвется на другой линии. Подожди... (*Максу*) Как Лео?

Макс. Делает упражнения.

Джонни. Прогресс есть?

Макс. Джонни... Все в порядке.

Джонни. (*по сотовому*) Нет. Значит так. Ты сейчас сбегаешь в книжный магазин и купишь все книжки о буддизме. Сделаешь мне быстро конспект. Зачем? Тебе объяснить? Я не Харе Кришна. Я не индус! Извини, кто-то рвется на другой линии... Подождите. Да. Извини, Карита. Давай послезавтра пойдем вместе... куда-нибудь в кино, например, на что-нибудь достойное... (*Максу*) Мне Хейди звонила.

Макс. Это ты мне говоришь?

Джонни. Тебе. Мне Хейди звонила.

Макс. Тебе звонила?

Джонни. Она мне сказала, что ты не поднимаешь трубку.

Макс. А у меня больше нет телефона. Зачем она тебе звонила?

Джонни. А ты у нее спроси! (*по сотовому*) Подожди, не отключайся там. Давай забудем время, да, да, и пойдем в кино. Что там сейчас идет? (*Максу*) Ах, да. Мама передала тебе жаркое.

Макс. Сколько раз говорить тебе, что я готовлю сам.

Джонни. Слушай, вот сам это маме и скажи! (*по сотовому*) Что? Не можешь? Нет, так не годится, надо смочь. Это твоя работа – везде успевать.

Макс надевает массивные наушники.

(*по сотовому*) Что? Фильм «В открытом море» идет? Отлично! Купишь билеты? Здорово. Ну до завтра, окей? Целую, обнимаю, пока-пока! Извините, а с кем я сейчас говорю? Моя машина? Что она перегородила? Неправда. Это мое место парковки. Когда? Не смогу. Пожалуйста, отправьте мне счет. Вот, сука какая. Целую, обнимаю, пока... Нет, это я не вам!

Джонни подходит к Лео, который рисует акварельными красками. Лео слушает музыку в плеере.

Джонни. Как дела?

Лео. Да вот, рисую.

Джонни. Зачем?

Лео. Диск слушаю. Макс, это что?

Макс. «Путешествие к внутреннему ребенку».

Джонни. А. Ну ясно.

Лео. Надо нарисовать то место, куда ты обычно возвращаешься в своей памяти. Сначала мы бродим по лесу, потом заходим в дома, в которых выросли, где раньше играли, шалили. И потом постепенно перебираемся к тому месту, где душа была счастлива.

Джонни. И что ты сейчас рисуешь?

Лео. Разве ты не видишь?

Джонни. Ручеек, а здесь домик.

Лео. Правильно... Это моя деревня... Родительский дом.

Джонни. Хорошо тебе там было?

Лео. Нормально... Как-то спокойно... Это я могу делать, это легко. Здесь есть уже какое-то конкретное действие. Я ведь рисую иногда что-нибудь на работе... Но обычно получается какой-нибудь чертеж лифта, а я так просто, мышкой вожу по экрану и все. Честно говоря, никогда бы не подумал, что так здорово рисовать красками. Как тебе?

Джонни. Да, ничего... Этот вроде дрова рубит. А это что? Какой-то гоблин... Этот мужик в костюме, пастор что ли или какой-то чиновник, министр. Это ты намекаешь, что ты наш будущий президент, что ли?

Лео. Да ладно, это мой дом, а это я сам, в лагере, это галстук скаута.

Джонни. А, понял. А вот этот топор – это твоя голова?

Лео. (*злится, идет в ванную мыть кисточку*) Хватит. А давай ты будешь вот так же копать в самом себе, а я буду тебе под руку бубнить?

Джонни. Ну прости... А вот эта рыжая девчонка – эта исландка, в которую ты был влюблен?

Лео. Она была норвежка! Да, я любил ее. Моя первая любовь. Ее звали Хайе. Хотя ты этого все равно понять не сможешь, ты ведь никогда не любил. Ты же нам все время об этом с гордостью сообщал.

Джонни. Нет, однажды я был влюблен. Минут десять. Это было ужасно. Больше не хочу испытать это заново. Это чувство не здоровое. Ну правда ведь? Вот смотри, возьми любое американское кино. Если там есть это романтическое бормотание, то фильм уже можно продать. Это такое чувство... Любовь... Она пеленает твоё сознание, унижает твоё эго, берет тебя в плен, заставляет совершать поступки, за которые потом обычно бывает стыдно. Любовь – это просто зависимость. Тот же наркотик. Тебя постоянно глючит. Какой-то посторонний тебе человек нажимает на твои рецепторы, и ты уже на игле! Я бы церкви запретил венчать влюбленных. Ведь это же болезнь... Люди теряют голову и превращаются в психопатов. А церковь это покрывает!

Лео. Да, странные у тебя взгляды на жизнь. Пугающие.

Джонни. Более всего меня пугают последствия. Вспомни, что случилось с Тройей из-за Елены? А арабские женщины именно из-за любви ходят в хинджабе – только затем, чтобы мужчины не смогли влюбиться в них и начать за них воевать. Зачем?

Лео. Я не верю тебе.

Джонни. И у вас сейчас с Мари идет кровопролитная война. Война за первенство.

Лео. Почему это?

Джонни. Мари напала на тебя, а ты спрятался здесь, как в бункере. Все революции случились из-за любви. Например, в Чили все были влюблены в гитариста, друга Пабло Неруды, его еще потом убили... Как его звали-то? Макс, ты не помнишь?

Макс снимает наушники.

Макс. Нет. Сейчас не могу вспомнить. Дай подумать, я точно вспомню. (*берет из рук Лео рисунок*) Давай-ка посмотрим, что у тебя вышло? А ты знаешь, в этом что-то есть... А это значит...

Лео. Ай, перестань, я еще не закончил.

Макс. Здесь явно что-то есть. Женщина с ножницами...

Лео. Ну да, да...

Макс. Ну вот, мне кажется, ты уже кое-что понял. Я вижу реальную пользу от утреннего дневника.

Джонни. Утренний дневник... Чем вы тут, ребята, занимаетесь? (*забирает у Макса записи Лео*) «Я пошел с бабушкой на речку рыбачить, но пока мы шли, я описался прямо в штанишки».

Лео. Там такого нет!

Макс. Очень смешно, Джонни. Ты что же, издеваешься?

Лео. Да уж, чертовски смешно.

Макс. Да пошел он! Не обращай на него внимания.

Джонни отходит в сторону и разговаривает по телефону.

Макс. Смотри. Здесь совершенно явно повторяется одна тема. Это, конечно, не самый надежный тип психоанализа, но за этот обрывок нити уже можно уцепиться.

Лео. Ну, говори.

Макс. Ну, я думаю, что вопрос касается...

Лео. Чего?

Макс. Ну...

Джонни. Ну говори давай.

Макс. Извини, старик, я не могу выразить это словами. Давайте посмотрим один фильм. Он скажет нам больше, чем слова.

Затемнение.

Сцена шестая

Мужчины переставляют диван так, чтобы вместе смотреть видео. На экране отрывок из фильма Педро Альмодовара «Поговори с ней», где Пина Бауш танцует, а на фоне этой сцены идут завершающие фильм титры. Макс останавливает запись таким образом, чтобы на кадре были видны все главные герои фильма.

Макс. Ой, ой, ой, мужики. Это фильм всех времен и народов. Это важнейший фильм о мужчине, снятый в двадцать первом веке. Согласны?

Джонни. Бесспорно.

Макс. Перестань, я совершенно серьезно. Мой психоаналитик велел мне его по многу раз пересматривать. Сейчас седьмой раз смотрю. И до сих пор он остается для меня самой удивительной, самой загадочной картиной. А вы что скажете?

Лео. Ну да, да...

Джонни. Нет, конечно, он хороший.

Макс. «Конечно, хороший»? Это можно так о «Битлз» говорить, что они хорошие – ведь у них есть пару неплохих вещей. А в этом фильме хорошее – все. Ясно? Например, самое начало... Пина Бауш танцует, а за ее движениями наблюдает Марко.

Джонни. Да, спектакль «Кафе «Мюллер».

Макс. Да, точно... ну так вот. Помните, там зала ресторана. Много стульев и столиков. Три человека, две женщины и один мужчина. Молодая женщина – это возлюбленная мужчины, старшая – его мать.

Джонни. А, ты так трактуешь...

Макс. Дай мне договорить. Что происходит в этом танце? (*Макс начинает имитировать движения Пины Бауш.*) Старшая из женщин, или мать героя, резко начинает двигаться. Что делает мужчина? Не задумываясь ни на секунду, он покидает свою возлюбленную и быстро-быстро освобождает пространство для танца матери. Убирает лишние стулья даже еще энергичнее, чем она танцует. Ясно?

Лео. Ну, может быть. Хотя на самом деле я не знаю точно, верно ли я тебя понимаю.

Макс. В этой сцене все мужские комплексы. Отношения между матерью и сыном. Сыновья не могут уйти от своих матерей, а матери используют все возможные приемы, чтобы удержать их при себе. В это время жены спокойно наблюдают, как их мужья позорно борются со своей «мужчинойостью».

Лео. Чего-то я все-таки не понимаю.

Макс. Вследствие этого матери, которым всегда не хватало внимания от своих мужей, начинают переносить всю свою любовь на сыновей. У сыновей от этого рождается извечное чувство вины. А это значит, что сыновья будут всегда двигать стулья. Кино – об этом. Еще одна важная тема, которая, возможно, разрешит, Лео, твои проблемы. Вопрос о разговаривании и о наблюдении.

Лео. Ну да. Кино так называется.

Макс. В этом и суть. Главный герой, Марко, – это мужчина, который не может выразить свои подлинные чувства. Он только теоретически способен любить и наслаждаться красотой жизни. Но всю свою жизнь он только убегал. Убегал от себя, от своих чувств. В его глазах живет печаль. Вечная печаль. И эта печаль, которая скрывает страх, заставляет Марко изолироваться от мира, уходить, убежать от него.

Джонни. Я знаю человека, у которого те же проблемы.

Макс. Не мешай мне. Сейчас мы помогаем Лео, и сейчас это для него важно. Твои шутки тут неуместны.

Джонни. Ладно, понял, извини. Продолжай.

Макс. Ну вот. После всех трагических событий наш герой Марко встречается сиделку, парня по имени Бениньо. Он ухаживает за женщиной, у которой отключен мозг, разговаривает с ней. Он учит Марко вести себя с любимой женщиной точно так же. Представляете себе? Мужчина может говорить с женщиной только тогда, когда у нее не

работает мозг! Это очень тонкий намек! Именно поэтому я хотел тебе, Лео, показать это кино.

Лео. Ну хорошо, но я все-таки чего не понимаю. Вот... Не могу понять, как, к примеру...

Джонни. Конечно, это не простое искусство. Мне кажется, оно о тюрьме.

Макс. Это в каком смысле?

Джонни. Каждый герой этого фильма превратил свою жизнь в тюрьму. Стены вокруг него растут, решетки высятся до небес и в конуре их совести воцаряется мрак. И игра заканчивается. По-моему, там об этом.

Макс. Я понимаю, о чем ты, но все-таки это одна из тем фильма. И не самая главная.

Джонни. А мне кажется, что это основное. Тюрьма.

Макс. Не фига подобного, Джонни. Этот фильм вообще-то про любовь.

Джонни. Как раз в любви вокруг человека легко вырастает стена, и становится для него тюрьмой. Это точно.

Макс. Джонни, ты мыслишь какими-то жуткими штампами. Тут вопрос о власти. Власть, которая маскируется под любовь, и тогда любовь перестает быть бескорыстной. У нее появляются свои цели. И эти отношения между матерью и сыном, между женщиной и женщиной... становятся похожи на дружбу... Да черт возьми! Такой у меня взгляд на вещи, и он сейчас очень важен для Лео. А ассоциации с тюрьмой его только угнетают.

Джонни. Ничуть не угнетают.

Макс. Блядь, именно угнетают!

Джонни. Что для тебя, Лео, важнее? С кем ты себя отождествляешь, кто тебе сейчас ближе?

Лео. С кем я ближе?

Джонни. Моя тема тюрьмы или вариант Макса про материнскую любовь?

Макс. Сейчас переживаешь, Джонни.

Джонни. Не переживаю.

Лео. Да мне все равно, честно говоря.

Макс. Почему это?

Лео. Я, признаюсь тебе, вообще мало что понял в этом фильме.

Макс. Почему?

Лео. Он мне не особо понравился.

Макс. То есть тебе кажется, что это просто плохое кино?

Джонни. Только не обижайся.

Лео. Могу я, наконец, выразить свое мнение?

Джонни. Да, конечно.

Макс. Так твое мнение, что «Поговори с ней» – это говно?

Лео. Я не сказал, что говно. Мне фильм не понравился.

Макс. Понятно. Будут какие-нибудь аргументы?

Лео. Да, сейчас... По-моему, фильм довольно грубый. Этот парень, который ухаживает за женщиной...

Макс. Бениньо.

Лео. Бениньо насилует ее в конце фильма. Он же хотел ее весь фильм. Ебать ее хотел. Только поэтому он за ней ухаживает. А потом насилует ее, и режиссер, как его, Альмодовар...

Макс. Альмодовар!

Джонни. Альмодовар.

Макс. Альмодовар!

Джонни. Альмодовар. Ударение на последнем слоге.

Макс. Нет, ударение неправильное.

Лео. Окей, Альмодовар! Это неважно. Важно, что режиссер сам извращенец. И как это у него вяжется с твоей идеей про разговоривание, если у него на первом плане болтовня про секс, про страсти.

Макс. Так про это же и идет речь!

Лео. Мужчина говорит с женщиной, чтобы попасть к ней под одеяло.

Макс. Не так там все было. Ладно, черт с тобой. Бениньо одержим как сумасшедший. В самом начале мы видим, как Бениньо наблюдает за девушкой, которая еще здорова и танцует. Он влюбляется в нее, или, скорее, через некоторое время влюбится. Девушка становится объектом его недюжинных желаний. Потом она попадет под машину и Бениньо станет ее сиделкой.

Лео. Потом он расскажет отцу этой девушки, что он голубой, чтобы иметь возможность безбоязненно трогать ее и трахать!

Макс. Нет! Он хотел быть ближе к объекту своих желаний.

Лео. Да он больной.

Макс. Этот фильм о том, как сложно говорить!

Лео. Это фильм о том, как выебать больного человека! Мужчина говорит с ней, говорит, а потом ее ебет!

Джонни. Ну в принципе, так и есть в фильме. Но...

Лео. Это я что ли у вас больной?

Макс. Что ты психуешь?

Лео. У нас с Мари какие-то нездоровые отношения? Так что ли по вашему?

Макс. Откуда мне знать?

Лео. Это ты вычитал в моем утреннем дневнике?

Макс. Я ничего не знаю о твоих болезнях! Мы о кино вообще-то говорили.

Лео. Это кино – стопроцентное говно!

Макс встает. Вынимает DVD из плеера и отходит в сторону. Затем резко оборачивается в сторону дивана.

Макс. Лео! Если ты считаешь этот фильм говном, то нашу терапию пора заканчивать. Я больше ничем тебе не могу помочь, да и не хочу. Потому, что если этот фильм – говно, то мне больше сказать тебе нечего.

Лео. Надеюсь, ты сейчас шутишь.

Макс. *(в ярости)* Это кино – библия современного мужчины! Его философия! Его религия! Его квинтэссенция! Оно указывает всем нам путь. И если ты это кино не принимаешь, то уже ничего нельзя поделать. Это объявление войны. И с моей стороны это будет, блядь, святая война! Можем сразу же забить и на нашу дружбу!

Джонни. Господи, ну откуда в тебе столько фанатизма?!

Макс. Я жду твоего решения.

Лео. Что ты хочешь от меня? Ты хочешь, чтобы я резко поменял свое мнение?

Макс. Я жду твоего решения.

Лео. Я не изменю своего мнения.

Макс. Понятно. Даю тебе минуту, чтобы ты собрался и покинул мою квартиру.

Лео. погоди, ты сейчас серьезно?

Макс. *(в ярости)* Я – серьезно! Моя философия заключается в том, что все изменения происходят внутри человека. Это совсем не то, когда ты на пару дней превращаешься во внимательного мужчину, идешь с любимой женщиной в кино, даришь ей цветы, готовишь ей ужин, играешь с ней в какого-то другого мужчину. Изменение – это нечто более значительное. Марко проходит серьезный внутренний путь. Очень серьезный, очень значительный путь.

Лео. Интересно, как можно повторить его подвиг за неделю?

Макс. Ну... Вообще-то можно и за секунду в бога поверить.

Макс выходит из комнаты.

Лео. *(орет в его сторону)* Так мне что теперь в бога что ли поверить надо? По-моему, это кино просто ужасно и все. *(Джонни)* Что с твоим-то братом происходит? Кошмар какой-то.

Джонни. Ну знаешь. Ты, по-моему, совсем не слушал, что тебе Макс говорил.

Лео. Да?

Джонни. А для него все это очень важно. У него есть твердая точка зрения, а ты сосредоточился на чем-то совершенно не обязательном. Согласен, это немного извращенное кино, но даже в таком больном искусстве можно заметить что-то очень ценное. А ты талдычишь в одну дуду: «больной, больной...» Да нет в этом кино ничего больного! Ты просто глупый тупой инженер, прагматик! А, ладно, забудь.

Джонни уходит. Лео сконфужен, сидит в комнате один. Джонни возвращается через секунду.

Джонни. Ну как?

Лео. Что «ну как»?

Джонни. Так что?

Лео. Ты считаешь, мне надо уйти?

Джонни. Конечно, нет.

Лео. Я сильно его разозлил?

Джонни. Да, нет, ему нужно было сбросить негатив. Он сейчас успокоится.

Лео. Но я, честное слово, и половины не понял из того, о чем он говорил.

Джонни. Не бери в голову. У вас был хороший разговор. Лео... Ну хватит, нам все надо расслабиться.

Лео. Как?

Джонни. Я знаю, что надо делать.

Встают и уходят. Макс возвращается в комнату. Ставит DVD-диск на полку и подходит к двери ванной комнаты. Затемнение.

Сцена седьмая

Джонни и Лео входят в квартиру в спортивных костюмах. Заметно, что они только что бегали.

Лео. Ух... Отлично побегали. Ты держишь форму, Джонни, что и говорить. Хоть сейчас марафон беги.

Джонни. Не успеваю заниматься. Хотя, знаешь, пару лет я назад бегал марафон в Нью-Йорке. Офигенный опыт! Бегать по Манхеттену! Спортивная ходьба, нога в ногу. Вот где настоящая медитация. Лечит всё!

Лео. Я себе это могу только представить.

Джонни снимает майку. Садится на колени на пол.

Джонни. Посмотри на мою грудь.

Лео. Офигеть.

Джонни. Выжимаю двести пятьдесят на лавке.

Лео. Уважаю.

Лео снимает майку и тоже опускается на колени.

Джонни. У тебя красивые бицепсы.

Лео. Ну конечно... На хот-доги похожи.

Джонни. У меня то же, я поэтому их особенно и не выставляю.

Лео. Ну перестань, у тебя мощные бицепсы.

Джонни напрягает мускулы и показывается в разных позах.

Джонни. Ну, у тебя тоже хорошая фигура, я тебя уверяю.

Лео. Я стараюсь за собой ухаживать. Когда был моложе, регулярно занимался, держал себя в форме. Когда ходил на пляж, всегда уверенно снимал майку и знал, что у меня там все в порядке. Боковым зрением приятно было ощущать, что на меня смотрят все женщины и жаждут моего тела. Фантастическое ощущение. Тогда я понял, что мускулы имеют значение.

Джонни. Конечно. Только наивные люди думают, что женщинам на самом деле наплевать на тело мужчины. Они смотрят совершенно так же на мужчин, как мы смотрим на их жопы и сиськи. *(Выливает на себя воду из бутылки.)* Это что-то ритуальное, из седой древности. Ты либо принадлежишь племени номер один – к людям, которые заботятся о себе, хорошо себя чувствуют, как мы с тобой. Либо ты принадлежишь племени номер два. В принципе, ничего страшного. Ты можешь быть милым толстячком, мелировать волосы, отлично готовить, знать дюжину самых свежих анекдотов. Но есть один неприятный факт: ты уже проиграл.

Лео. Я забочусь о своей фигуре ради Мари. Я не хочу, чтобы у нее был мужчина с пивным животиком.

Джонни отжимается. Лео заморожено смотрит на татуировку, нижняя часть которой скрыта под трениками Джонни.

Лео. Слушай, отличная татуировка. Когда ты успел ее сделать?

Джонни. Это я себе на день рождения подарил. Я ей заигрываю.

Лео. Чего?

Джонни. А ты посмотри. Никаких проблем.

Лео оттягивает треники и смотрит, куда ведет татуировка.

Джонни. Татуировка для флирта. Она извивается и прячется в трусах, возбуждая в женщине желание узнать, куда же она ведет и как она там выглядит. У женщин внезапно появляется желание сорвать мои трусики.

Лео. Да, это дикое желание.

Джонни. Именно. Дикое. Задорное такое.

Лео. Ну хоть срабатывает?

Джонни. Срабатывает. Хорошо срабатывает.

Лео. Ну-ка, держи меня за ноги. *(делает несколько отжиманий, затем Лео боксирует в ладони Джонни)* Еще пару лет назад я через день мог делать сто упражнений на живот, тридцать отжиманий и двадцать подтягиваний. Но теперь я больше так не могу.

Джонни. Молодец. Давай, давай еще. Хочешь меня побить? Давай. Хватит уже детских игр. Вот так вот. Давай, выпускай пар. Так. Лео, ты просто перец! Крутой перец. У тебя нет никаких проблем. Ты доволен собой. Это звучит офигенно просто, но что такое жизнь без этого? Жизнь на самом деле очень проста. Это только глупые люди делают из нее очень мудреные вещи. Лишняя информация дезориентирует нас. И все эти ток-шоу на самом деле полная лажа.

Лео. Может, ты и прав.

Джонни. Мне кажется, ты все воспринимаешь слишком серьезно. Выше перец, приятель. Поехал бы в Берлин, выспался бы, посидел в кофейне, походил по паркам, вечером зашел бы в индийский ресторан, покушал бы сладко, завел бы приятное знакомство, переспал бы с веселыми девчонками пару раз... И вернулся бы домой свежим, отдохнувшим, обновленным человеком!

Лео. Думаешь, так надо?

Джонни спиной подпирает дверь ванной комнаты. Макс внутри, он не может выйти.

Макс. *(кричит из ванной)* Откройте дверь! Дверь откройте, козлы! Выпустите меня!

Джонни отходит от двери. Макс выходит, брюки спущены до колен.

Макс. Вы что в самом деле? Зачем дверь закрыли? Я не могу там сидеть с закрытой дверью, она должна быть хотя бы приоткрыта.

Джонни. Сядь, успокойся.

Макс. Как ты мог это забыть? Это для меня жизненно важно. У меня это первое правило. Что у вас тут? Идите в другом месте упражняйтесь! И не надо только думать, что я не слышал, как вы тут надо мной издеваетесь. Куда вы мне перец подсыпали, скоты?

Джонни. Послушайте, друзья. Мне кажется, ваша терапия вас в конец изматала. Сейчас я, к сожалению, должен бежать на вечернее шоу. Но я вернусь, и мы сделаем вместе что-нибудь приятное. То, что всех нас оживит. Хорошо?

Джонни выходит из квартиры.

Лео. Извини. Я не успел собраться и уйти... Прости, мы тут... Бегали.

Макс. Ничего.

Сцена восьмая

На видео заставка программы «Alter ego». Джонни появляется на экране. У него в руках апельсин.

Джонни. Добро пожаловать на телешоу «Alter ego». Сегодня вечером мы познакомимся с мужчиной, который полностью изменил свою жизнь. Он изменился не как-нибудь, не по мелочам и даже не наполовину. Он изменился полностью, тотально, не оставив себе ни единого шанса вернуться назад, в свое прошлое. Наш сегодняшний гость не хотел влачить унылую обеспеченную жизнь человека среднего класса. Он поменял свой богатый уютный дом на... мужской монастырь. Теперь он живет в Индии, учит детей, помогает больным, изучает буддизм, кушает один бамбук и разгуливает по побережью Индийского океана с абсолютно лысым черепом. Совсем скоро вы увидите человека в солнечных одеждах. Оставайтесь на нашем канале и скоро мы с вами обнаружим, что можно выжать из этого индийского апельсина. Сегодня вечером с вами ваше «Alter ego».

Логотип программы «Alter ego» снова появляется на экране. Затемнение.

Сцена девятая

Звук самолета. Вечер. Джонни слушает арию из «Паяцев» Руджеро Леонковалло. Лео лежит на диване. Оба пьяны.

Джонни. Послушай. Это музыка - самая красивая в мире.

Лео. У-у-у-у-у.

Джонни. Не порти музыку.

Макс. *(выходит с гитарой)* А как вам это?.. *(напеваёт песню «Guns & Roses»)* Take me down to the paradise city...

Лео. *(подпеваёт)* Take me down to the paradise city...

Макс. Ты не там вступаешь. Повнимательнее. Давай заново. *(Поют.)* Опять, опять не там вступаешь, где надо.

Джонни. Ну какая тебе разница?

Макс. Есть разница. Если ты поешь со мной вместе, то у нас получается унисон, а надо – с отрывом, как эхо. Все, я больше с вами не играю.

Макс идет в ванную комнату. Джонни насвистывает другую песню «Guns & Roses».

Макс. *(кричит из ванной комнаты)* Не так там, не так, блин, урод!

Макс играет на гитаре правильную мелодию и поет, затем выходит из ванной комнаты. У Джонни звонит мобильный. Макс и Лео вместе поют песню, пока он разговаривает.

Джонни. Ну и что теперь? Что? Кто это сказал? Слушайте, зачем вы мне все это говорите? Что? Это зрители что ли? Да зрители меня боготворят! Это мой фирменный знак! Слушайте, мне совершенно все равно, кто у меня в гостях – я не делаю разницы между людьми. Папа римский или президент, мне все равно. Я их точно так же раскусываю и допрашиваю, как обычных людей. Я плохо себя вел? Нормально я себе вел. Этот чертов монах просто не хотел отвечать на поставленные вопросы. Да не буду я просить прощения! Все, я этот разговор заканчиваю. Мне надоело.

Макс. Если хочешь знать мое мнение, то ты действительно был груб с монахом.

Джонни. Не был я грубым.

Макс. Зачем ты орал на него?

Джонни. Да ничего я не орал.

Макс. Он человек мира и внутреннего покоя.

Джонни. Я только сказал ему... Придурку монастырскому... Не мог бы он нормально ответить хотя бы на один мой вопрос?

Макс. Ты один и тот же вопрос о счастье повторял сто раз.

Джонни. Я видел, что он притворялся.

Макс. Откуда?

Джонни. Это было видно по его глазам... По лживым глазам этого монаха... Что он несчастлив. И хватит уже об этом!

Лео. Слушай, а давай сейчас составим сто пунктов о моей жизни?

Макс. Нет, нет... Мы больше не занимаемся терапией.

Лео. У меня получится.

Макс. Ты мне надоел.

Лео. Вот мои сто пунктов. Слушайте. Мари... летний отдых... прелестные деньки... любовь... шоколад... мы плаваем... сауна... я веду машину... я мою мою машину... я убираюсь в моей машине... я пылесосу мою машину... мы занимаемся сексом... хорошее кино... субботний вечер... вкусная еда... рыбалка... друзья... мы в сауне с друзьями... пьем пиво... боулинг. Ну вот. Уже есть сто?

Макс. Даже и половины не насчитал.

Джонни. Но все-таки Лео довольно много перечислил.

Лео. Ну и славно. А вот пять человек, которых я уважаю. Пять человек. Ну, Мик Джаггер, само собой. Потом Мохаммед Али... Тина Тернер.

Макс. Неужели ты не шутишь?

Джонни. Психианалитики не имеют права критиковать своих пациентов.

Макс. Я не психианалитик.

Лео. Далай Лама.

Макс. А вот это хорошо.

Лео. Михаэль Шумахер! Интересно, кем из них я хотел бы быть? Так ведь там в тесте, все правильно?

Макс. Да.

Лео. Я хотел бы быть... Михаэлом Шумахером!

Макс. Нет! Шумахер - полный дебил! Лучше бы ты захотел стать Мохаммедом Али или Далай Ламой.

Лео. Может быть, ты этого и хочешь. А я хочу стать Шумахером и точка.

Макс. Мари заставила тебя задуматься о чем-то очень важном. А ты вместо этого хочешь на машине своей круги нарезать. Жалко тебя, ты просто ничтожество! И желания твои ничтожны!

Джонни. Разве так психианалитики говорят? Разве они кричат на подопечных? А?

Макс. Может быть, им иногда стоило бы открывать свой рот. Вот поэтому я больше не твой психианалитик, Лео! Вот так! Хватит!

Лео. Хорошо, хорошо, успокойтесь. Я сейчас по-другому скажу. На самом деле я хочу быть...

Джонни. Не надо ничего менять.

Макс. Нет, Лео может поменять, если хочет.

Джонни. А что ты так нервничаешь?

Макс. Отвали, я не умею скрывать того, что чувствую.

Джонни. Просто у Лео от этого зажим.

Макс. Ничего, потерпит.

Джонни. Что потерпит?

Макс. Мое давление. Маленькое давление.

Джонни. Нет, ты не имеешь права так говорить. Почему это он должен менять свой выбор? Миллионы мужчин хотели бы быть, как Михаэль Шумахер.

Макс. А я вот не хочу!

Лео. Интересно. А кем бы ты хотел стать из этой пятерки?

Макс. Извини меня, Лео, но из твоей пятерки – никем.

Лео. И какова же тогда цель у твоих тупых опросов?

Макс. Они на самом деле в человеке многое выявляют.

Джонни. Что конкретно?

Макс. Мы узнали мировоззрение Лео. А, может быть, именно такое мировоззрение Мари и не нравится? Может быть, оно на ее вкус малоприятное, скучное, наконец, совсем не сексуальное!

Лео молча поднимается и уходит в ванную комнату.

Джонни. Ну это уже слишком. Я с вами тут с ума сойду. Срочно звоню, чтобы сюда пришли хоть какие-нибудь женщины. Этот злостный мальчишник нужно прекратить.

Лео выходит из ванной комнаты.

Лео. Я хочу увидаться с Мари. Прямо сейчас.

Макс. Чего?

Лео. Да. Давай-ка начнем аутотренинг заново.

Джонни. Всё, надоело. Я звоню девчонкам.

Лео. Ты можешь делать все, что захочешь. Но я сейчас хочу видеть Мари.

Макс. Нельзя заниматься психоанализом в пьяном виде.

Лео. Ты нам не нужен, Макс. Давай с тобой, Джонни. Займешься мной?

Джонни. Слушай, это не шутки.

Лео. Хорошо, тогда я пойду к Мари. Приду к ней и скажу ей...

Джонни. Что, например?

Лео. Что-нибудь... Да. Надо придумать, где это лучше сделать.

Джонни. Допустим, в машине.

Лео. Нет, нет, давай лучше в кафе.

Джонни. Окей.

Лео. Давай ты будешь двигать стулья... А потом я зайду, и ты начнешь со мной говорить.

Джонни. Что? Что говорить?

Лео. Откуда я знаю? Ты играешь за Мари.

Макс. А... Не, не так надо.

Лео. Хорошо. Присоединяйся.

Макс. Так и быть. Но я не беру на себя ответственность за результаты. Я уволился.

Лео. Я отвечаю за все.

Макс. Итак, где все происходит?

Лео. В кафе.

Макс. Кто за Мари?

Джонни. Я – за Мари.

Макс. Надо только для начала обозначить условия игры. Давайте идите и прячьтесь. Надень, Джонни, платок, раз ты играешь Мари. Что она обычно говорит, когда вы встречаетесь?

Лео. Ну... «Привет, дорогой, как здорово, что ты меня сюда пригласил. Как прошел твой день?»

Макс. Джонни, ты слышал? Итак, кафе, Лео, Мари... Начинаем!

Хлопает в ладоши. Лео и Джонни входят в игровое пространство. Джонни накидывает платок на плечи. Джонни, переигрывая, изображает женщину и пародирует женский голос.

Джонни. Привет, дорогой, как здорово, что ты меня сюда пригласил. Как прошел твой день?

Лео начинает хохотать.

Макс. Не играй сейчас. Должно быть все по-настоящему.

Лео. А то ведешь себя как первоклассная блядь.

Макс. Давай заново.

Джонни. Ну, привет, дорогой, как здорово, что ты меня сюда пригласил. Как прошел твой день? Ты подумал, о чем я тебя просила?

Лео. Все в порядке, Мари. Ты лучшая женщина на свете. Я обожаю ходить с тобой в кино, гулять по парку... А еще я люблю катать тебя на машине...

Макс. Молодец, дальше давай в том же духе.

Лео. Я люблю тебя и хотел бы вернуться домой.

Макс. Продолжай.

Лео. Я много размышлял о нас. Все совсем не просто. Ты заставила меня задуматься о вещах, о которых я никогда не думал.

Макс. Окей. Теперь поменяйтесь местами. Вот возьми, Лео, платок. Теперь ты – Мари. И давайте глубже. Глубже вникай.

Хлопает в ладоши.

Лео. Ну значит так. Я тебя тоже люблю. Ты самый лучший парень на свете. Ты заботишься обо мне, я вижу. Иногда даже даришь цветы и возишь меня на своей машине. *(Пауза.)* Да, надо бы уже глубже.

Макс. Да.

Лео. Я могу обратно стать Лео?

Макс. Да, конечно. Меняйтесь местами. Давай платок. Начинаем.

Джонни. Почему мы постоянно меняемся?

Макс. Не мешай! Теперь надо глубже.

Лео. *(эмоционально, в аффекте)* Мне кажется, я не существую. Я часто стал исчезать... Я все время где-то витаю, высоко в облаках. Ты далеко от меня, так далеко, что я не могу за тебя ухватиться.

Макс. Цепляйся за меня...

Лео. Я подхожу к старому дому... Захожу туда...

Макс. Заходи, заходи...

Лео. Он совершенно пуст. Там... никого нет.

Макс. И все-таки там что-то есть...

Лео. Я совсем один. Ни души. Мари... Мари! Я исчезаю. Я не вижу тебя. Аааа... Больше нет сил.

Макс. Потерпи еще.

Пауза. Звук самолета. Атмосфера делается более сонной, полупьяной. Диалог замедляется.

Джонни. Что за истерика, Лео?

Макс. Это комплекс неполноценности.

Лео. Ты думаешь, проблема только в том, что я сам себе не нравлюсь?

Макс. Именно, и знаешь, кто тебя этому научил? Твоя мама. Мама, разумеется!

Лео. При чем тут моя мама?

Макс. В психоанализе всегда виновата мама. Без мамы нет психоанализа. Твоя мама зачала тебя напрасно.

Лео. Не смей говорить так о моей матери!

Макс. Матерей надо убивать. Нам нужно убивать наших матерей.

Джонни. Это отцов надо убивать.

Макс. Не надо, они были всегда на работе. Мы на самом деле их не знаем.

Лео. У меня очень хорошая мама!

Макс. Твоя мать была дурой! *(Смеется.)*

Лео. Как ты смеешь ругать мою маму! Подонок! У тебя нет на это никакого права! *(Пауза!)* Это твоя мать была шлюхой, давала всем!

Джонни. Фу, как некрасиво.

Лео. Ну не знаю. А он красиво поступает?

Макс. Молодец-молодец, усугубляй свою ненависть. Сейчас тебе станет легче!

Лео. Чего-то мне уже не хочется. *(садится на диван)*

Макс. Не сдавайся.

Джонни. Вот ты сам и говори. Представь, что ты только встретил Хейди.

Макс. Вы что, оба сдурели?

Джонни. Говори, говори. Что бы ты хотел сказать ей по-настоящему, по-мужски? Тогда, год назад, когда она тебя бросила? Мне кажется, ты до сих пор по ней тоскуешь. Все-таки десять лет вместе! Скучаешь, да?

Макс. Прекрати!

Джонни. Нет, говори! Что бы ты хотел прокричать ей вслед? Представь себе, что она только что ушла, хлопнула дверью. Говори!

Макс. *(чуть не плачет)* Не надо так, замолчи... А что бы ты хотел сказать своим сотням, нет, тысячам женщин?

Джонни. Погоди, речь сейчас о тебе.

Макс. А сейчас – о тебе! (*Берет несколько бутылок со стола в охапку.*) Вот представь, что перед тобой все твои бывшие женщины. Что бы ты хотел им сказать? Как на духу. «Я бы хотел вас всех трахнуть. Это вас не сильно расстраивает?»

Джонни. Не надо, Макс... Хотя, ладно, пожалуй, я скажу.

Лео. (*подымается с дивана*) О! Я хочу это видеть.

Джонни. (*берет одну бутылку в руки*) Ты, Дженни, всегда мне нравилась. Ты какая-то особенная, касаешься меня так нежно, так мягко... С тобою у меня все получалось, Дженни. А ты (*берет вторую бутылку*), Жасмин... С тобой сладко целоваться. Ты – жадная и сочная, от тебя трудно оторвать губы. А ты, Карина, какая-то воздушная... ласкать тебя одно удовольствие, словно гладишь пушистую кошачью шерстку... Вы все такие милые... Вы - мои, я люблю вас всех.

Лео. Психоанализ, психоанализ... Да этот твой психоговнализ – фигня собачья!

Макс. Ты, Лео, мертвец. И уже давным давно.

Джонни. Перестань?

Макс. Ты не живешь нормальной жизнью.

Лео. Я не понимаю тебя.

Макс. А ты постарайся. А кто захочет с мертвецом жить в одном доме?

Джонни. Замолчи.

Макс. Увы, это правда, Лео. Ты ничего не смог из себя выжать. У тебя в душе пробка. Ты заморожен. Никаких чувств, никакого конфликта с самим собой. Ничего. Даже, если тебя десять лет мучать психоанализом, все равно бы ничего не вышло! Ты потерянный человек. Мертвец.

Джонни. Ты не имеешь права так говорить про Лео. Ты же видел, как глубоко он копнул. Но и я тоже зашел далеко.

Макс. Вы только-только голову из двери высунули. А вам нужно было прыгнуть в бездну. В этом идея.

Джонни. Нельзя так говорить, Макс. Это фашизм. Ты злоупотребляешь своей властью над людьми.

Макс. И ты – мертвец. И точка!

Джонни. Сам ты мертвец!

Пауза. Атмосфера накаляется.

Джонни. А ты вообще себя самого в своей квартире насильно запер!

Макс. Да что ты говоришь? И где же решетки, замки? Что-то я не вижу.

Джонни. Да ты уже три месяца из своей квартиры не выползал.

Лео. Что? Это правда?

Джонни. Святая правда. Он боится выходить. Год назад он впал в глубокую депрессию, после чего появились странные симптомы. Как-то раз он ехал в метро, и произошел сбой электричества. Вагон остановился в туннеле, и все огни погасли. У Макса тогда случился сильнейший приступ паники. Он орал на весь вагон и потом упал в обморок. Охранники звонили мне на работу, просили, чтобы я забрал брата домой. Самостоятельно ему это было сделать уже трудно.

Лео. Поверить не могу.

Джонни. Да я ему сюда еду ношу, он даже в магазин выглянуть не может. И в ванной сидеть не может с закрытой дверью.

Лео. Это правда?

Макс. Да, ладно, ничего тут нет страшного.

Лео. Э, нет. Все не нормально, раз так. Я же не знал, что у тебя проблемы с психикой.

Макс. Нет у меня никаких проблем с психикой.

Лео. Удивительно, как он еще смеет нас называть мертвецами, когда сам заколотил себя в собственной могиле!

Макс. Это мой личный выбор.

Лео. Это не твой выбор. Это вообще не выбор.

Макс. Я хотя бы пытаюсь анализировать свои эмоции. И я, кстати, сам выбрался из метро. Ты, сволочь, так и не приехал.

Лео. Как же ты посмел тогда лечить меня, если тебе самому нужен доктор?!

Макс. Мне не нужен никакой доктор, и вообще я не должен был с тобой сюсюкаться. Это была моя ошибка.

Лео. Ты больной, а я здоровый.

Макс. Ты не здоровый, ты больной.

Лео. Так, ну ладно, по-моему, мне пора.

Джонни. Пожалуй, и мне тоже.

Макс. Ну и валите.

Джонни. А ты догнивай тут один.

Макс. Вы, оба... Вы... Невыносимо слушать ваше нытье. Вы больные люди. Уходите и не возвращайтесь.

Макс одиноко сидит на стуле. Джонни уходит. Лео начинает собирать вещи, затем в бессилии присаживается на другой стул. Затемнение.

Сцена десятая

Макс. Ну?

Лео. Что ну?

Макс. Что, что... Уходи. Я справлюсь. Одиночество для меня не проблема.

Лео. У меня есть идея получше.

Макс. Что? Что за идея?

Лео. Понимаешь... я, кажется, знаю, как тебе помочь.

Макс. А как?

Лео. Вот смотри. В лифтах мы теперь устанавливаем видеосистему. Если лифт вдруг останавливается или возникает какая-либо другая внештатная ситуация, ты можешь сообщить о своей проблеме на камеру. А лифтер из своей кабины может видеть, что приключилось в этом лифте.

Макс. Как это все со мной-то связано?

Лео. У меня есть идея. Давай попробуем.

Затемнение. Макс заперт в ванной комнате и разговаривает с Лео через видеоканалу. Лео видит его изображение на экране телевизора.

Лео. Ну как ты там?

Макс. Пока никак.

Лео. Главное – дыши ровно, глубоко.

Макс. Постараюсь.

Лео. Спокойнее. Спокойнее. Сосредоточься на дыхании.

Макс. Я стараюсь.

Лео. Спокойно осмотришься вокруг себя. Привыкни к пространству. Ты же там не в первый раз.

Макс. Не в первый, но теперь-то дверь заперта!

Лео. Ну, хорошо, давай поступим так. Я буду тебя о чем-нибудь непринужденно спрашивать, а ты мне будешь отвечать.

Макс. Ага. Что-то мне уже поплохело.

Макс пытается выйти наружу. Лео запикивает Макса обратно.

Лео. Нет, нет... Давай обратно. Надо постараться. Давай покажи-ка мне местные достопримечательности.

Макс. Да какие уж тут достопримечательности... Дверь... раковина... полотенце... унитаз...

Лео. Превосходно. Расскажи об унитазе.

Макс. Об унитазе?

Лео. Да, да. Какой он?

Макс. Ну... Он такой немного старомодный. Я нашел его в секонд-хенде.

Лео. (вынужден быстро придумывать вопросы, чтобы Макс не успел занервничать) Так... так... так... А зачем ты его купил?

Макс. Он заморозил меня сразу. Он был такой старый, такой не современный. Мне страшно захотелось, чтобы он меня замораживал и дома. Я быстро представил, как здорово будет на нем сидеть... и тут же купил его.

Лео. Отлично. Продолжай. Все идет хорошо. А ты всегда был такой... паникер?

Макс. Послушай, Лео, давай договоримся так: вообще это слово на букву «п» больше не употреблять. Никогда. Ну, если уж ты так хочешь, чтобы я с тобой из запертой ванной разговаривал. Договорились?

Лео. Да, конечно. Я имел в виду, давно ли ты заметил, что тебе бывает страшно в темных, тесных помещениях?

Макс. Ты знаешь, скорее всего, да. Я, помню, в самом раннем детстве я сходил с ума от мысли о том, что мои родители умрут. И я останусь один в целом мире. Но больше всего

на свете я боялся того, что меня родители где-нибудь оставят, забудут. Когда я стал взрослым, это чувство исчезло, но не полностью. Это чудовище все время крадется за моей спиной. Но я твердо решил с ним бороться. И я не хочу сдаваться.

Лео. А как ты его ощущаешь? Это чудовище... Эту панику... Ой, извини. Это чувство... которое нельзя называть.

Макс. Оно как бомба. Бомба до предела набита острыми, противоречивыми чувствами, нерешенными вопросами... Распирающие меня чувства постепенно накапливаются где-то там, в одном пыльном углу, и все это вместе шевелится, одним комком. И потом рано или поздно, неожиданно и всегда не вовремя, эта бомба взрывается. И обязательно в тесном пространстве. Эмоции вырываются наружу, потому что их уже слишком много, потому что они лишние, нерешенные. И вылезает наружу вся эта кошмарная путаница, клубок противоречий. Эта неразбериха порождает предчувствие смерти. Тут меня одолевает одышка, лицо немеет, почва как бы уходит из под ног и я улетаю...

Лео. Я тебя понимаю. Именно так я себя почувствовал, когда вечером в понедельник вошел в самолет. За долю секунды я вспотел с головы до ног. Очередь двигается в сторону рукава, который ведет в салон самолета. И самолет для меня – это уже не самолет, а огромная глотка, которая сейчас целиком меня проглотит. Дошел до рукава и повернул обратно, побежал на волю и только в такси я смог успокоиться.

Макс. Эта реакция организма на самом деле помогает нам выжить. Она заставляет нас двигаться. Мы в этот момент, наверное, испытываем чувства, схожие с теми, которые испытывали наши предки сотни лет назад, когда встречались лицом к лицу с медведем или волком. Только тогда они не могли спрятаться в такси. В принципе ведь это здоровое чувство. Именно оно и спасало их от неминуемой гибели, а нас – от чего-то еще, возможно, более страшного.

Лео. Ну... это как сказать.

Макс. Кто знает, что случилось бы с тобой в Берлине? Может быть, ты утонул бы там в пруду или попал под колеса?

Лео. У тебя так много разных интересных идей про твою па... ой, ну, ты понимаешь... Странно просто, что эту проблему ты для себя еще не решил.

Макс. Все, я выхожу.

Лео. Нет, подожди.

Макс. Тогда быстро спроси меня о чем-нибудь еще.

Лео. А где ты это полотенце купил?

Макс. Нет, давай что-нибудь более существенное.

Лео. Ну... погоди... погоди... Ты любишь Хейди?

Макс. Да, хороший вопрос... Довольно сложный, надо сказать. Не знаю... Может быть, на него легче ответить человеку, который знает нас со стороны.

Лео. *(открывает дверь)* Так любишь или нет? Этот вопрос, по-моему, не требует таких долгих размышлений. *(резко захлопывает дверь)*

Макс. Любил. Я любил ее – теперь я это точно знаю, после всего, что с нами было. Но сегодня я бы сказал, что этой любви было слишком много. Теперь ее уже не видно... К нашей любви прилипло так много лишнего, и сколько бы я не расчищал путь, все равно не смог бы теперь найти чистый источник. Это как отражение на дне моря. Когда ты теряешь связь с человеком, любовь... она просто испаряется. Или я все-таки чего-то не понимаю в жизни. Ты как бы проходишь долгий-долгий путь. А потом резко стучаешься в стену.

Лео. Вообще на самом деле довольно странный способ общения. Ты в телевизоре, а на самом деле – в ванной. А я здесь, в гостиной.

Макс. А это правда, что в современных лифтах есть такая система?

Лео. Фиг два. Сам только что придумал.

Макс. Так я и думал, Эдисон хренов!

Лео. А это правда, что мои взгляды на жизнь... ну... простоваты?

Макс. Нет... Перестань... Откуда мне знать? Точно такое же, как у всех у нас, старых хренов.

Лео. Мне сейчас так хорошо... Так спокойно... Как у тебя там?

Макс. Да... Странно даже... Мне почему-то тоже здесь стало уютно.

Сцена одиннадцатая

Джонни врывается в квартиру в возбужденном состоянии.

Джонни. Здорово, пацаны!

Лео. Привет.

Макс. Это что, Джонни пришел?

Лео. Да.

Макс. Привет. Как дела?

Джонни. Да ничего особенного. Программу закрыли.

Макс. Что?

Лео. Как это?

Джонни. Сам не пойму. Сказали, больше ее не будет. Вроде как нет больше денег. Всех уволили, как это обычно бывает.

Макс. Это что, из-за того монаха?

Джонни. Возможно, но я не уверен. Это в воздухе давно витало, если честно...

Лео. Ужасно все это гадко.

Джонни. Ага. Меня тошнит от этого продажного мира. Все тебя норовят обмануть, наебать. Черт возьми, жалко, что я сразу не просек. Ну, такова уж участь наша. У нас кто угодно может отнять все, чем ты жил. И поделом нам, заслужили! Мой монах сам решил на то, чтобы всё оставить этому миру. Теперь у него никто ничего не может отнять... Он гений нашего времени! Как жаль, что я так поздно его просек...

Макс. Лео, я выхожу. Мне что-то стало страшно.

Джонни. Так, так, хорошо, хорошо. Без паники. Помни, главное, без паники.

Дверь ванной комнаты резко открывается. Выходит Макс, тяжело дышит.

Макс. Черт тебя возьми, зачем опять о панике говорить? Хрен ли ты не понимаешь что ли? Я ведь забыть о ней пытаюсь!

Джонни. Ой, да брось ты... Поймите, вы, этот монах всё оставил. Он возвратил миру все его говно! Он дело сделал, поступок совершил, а не попусту всех грузил проблемами своими. А я только и делаю, что болтаю без умолку. Шут гороховый! Я просто сразу его не понял, не раскусил. А теперь, парни, я точно всё прозрел. Все стало так ясно. Вот эта одежда, которая на мне... Что я ношу? Даже она... она часть этого двуличного мира. Она же не моя, она принадлежит этой дерьмовой фирме, которую мы пиарили... Надо поскорей избавиться от этой пошлости. Отвратительно всё.

Джонни полностью раздевается.

Макс. Э-э-э, ты что вообще творишь?

Джонни. Я как рождественская елка для всех. Нет, я шарик на елке. Е-мое! Я сам себе омерзителен. Лео... Лео, друг, сожги эту шелуху.

Лео. Ты что, серьезно?

Джонни. Да, зажги большущий костер!

Макс. Ну ты хоть бы трусы себе оставил.

Джонни. Я не хочу, понимаешь? Я почувствовал дыхание свободы! Там на дворе жарится кожа капитализма. А давайте какую-нибудь музыку врубим!

Макс. Нет, только не это.

Звучит группа «Rammstein». Джонни танцует.

Джонни. Я свободен! Я могу делать все, что моей душе угодно. Новую программу. Приглашать в студию лошадь или что-нибудь такое же совершенно непотребное. Мертвеца, например. Никаких границ! Точно! Время совершать поступки!

Макс. Что?

Лео. Давай, иди обратно в туалет.

Макс. Что?

Джонни. Давай возвращайся в свой укромный уголок, и у нас вообще все будет в ажуре!

Макс. Что ты имеешь в виду?

Джонни. Время совершать поступки! Монах именно это имел в виду!

Джонни насильно заталкивает Макса в туалет. Подпирает дверь своим телом, чтобы Макс не смог выйти. Лео уходит в спальню.

Джонни. Надо суметь подобрать ключик к своему внутреннему миру. И защитить его.

Макс. Выпустите меня!

Джонни. Твой внутренний мир на самом деле такой же маленький и уютный, как эта ванная.

Макс. Открой дверь, сука!

Джонни. Он маленький, печальный, унылый и в нем есть место только для одного тебя.

Макс. Дай мне выйти!

Джонни. Нет, пусть из тебя сначала выйдет твой страх! Переживи его!

Макс. Я задыхаюсь. Мне, правда, плохо.

Джонни. А как ты это чувствуешь?

Макс. Я боюсь! Лицо опухает!

Джонни. Отлично. Сейчас еще свет тебе выключу.

Макс. Нет, не надо! Аааа!

Джонни. Ты же все время купаешься в своем страдании, плачешь тут, жалуешься, обвиняешь нас...

Джонни резко отходит от двери, Макс обрушивается на пол.

Джонни. Гони его вон, вранье это всё! Не сиди на месте, действуй!

Джонни садится Макс на спину.

Джонни. Давай-ка я на тебе покатаюсь. На четвереньки вставай. Шустрее давай, шустрее.

Макс. Ты в своем уме?

Джонни. Вот что делает с тобою жизнь. Садится на тебя и ездит!

Макс. Чего?

Джонни. Я ношу тебе еду, утешаю тебя, выношу за тобой мусор. Теперь ты знаешь, как я себя после этого чувствую.

Макс. Чего?

Джонни. Кто-то из нас должен быть лошадю.

Макс. Я не лошадь.

Джонни. Правильно. Ты осел! Вон гони свое вранье! Действуй, не сиди сиднем!

Входит Лео.

Лео. Господи, ну чем вы тут занимаетесь? Ты что, не понимаешь? У нас сейчас был позитивный сеанс терапии, и тут приходишь ты и все говнишь! Макс сумел пробыть в темной ванной более десяти минут, а ты взял и все испортил. И теперь надо начинать все сначала. Он уже три месяца не может выйти из дверей своей квартиры, и ты виноват в этом, ты! И эта твоя монашеская философия... Действовать, совершать поступки – это такое на самом деле говно!

Джонни. Что, что?

Лео. Тебя прижали на работе. А ты приходишь тут и унижаешь нас, словно это наша вина.

Джонни. Погоди, погоди...

Лео. Все, что ты тут болтал нам о любви к своим бабам, все это полное говно! Ты вообще как тефлоновая сковородка! Ничего к тебе не пригорает!

Джонни. Что ты несешь, придурок?

Лео. А я не хочу быть из тефлона!

Джонни. Что это за тефлон еще?

Лео. И передача у тебя тефлоновая была!

Лео прячется в ванной комнате.

Джонни. Знаешь, что я сейчас сделаю? Я возьму и позвоню Мари, и скажу ей, что ты ни фига не в Берлине, а сидишь здесь, у нас и борзеешь.

Лео. (*говорит из ванной комнаты через видеокамеру*) Ах, ну да конечно, ничего более оригинального ты и не мог придумать... Ты такое же ничтожество, как и мы все.

Джонни. Я расскажу Мари, как ты ей врал.

Лео. «Держи свое тело в тонусе, и все будет о'кей»... Тупая тефлоновая сковородка!

Лео от волнения не может отпереться.

Джонни. Ну все, Лео, ты меня достал! (*Идет к двери ванной комнаты.*) Еще раз скажешь про тефлон, тут же получишь по морде.

Пауза.

Лео. Тефлон!

Затемнение.

Сцена двенадцатая

Макс входит, убирается в комнате. Садится на диван. Лео сидит на стуле и ощупывает свой нос. Теперь Джонни заперся в ванной комнате.

Макс. Ну как бы... Поступки... Поступки... Правильно, конечно. Правильно. Очень хорошо, что ты ко мне пришел. Мари будет тобой довольна: твое лицо стало наконец осмысленным. Джонни, давай уже выходи.

Лео. Он уже там четвертый час сидит.

Макс. Ладно, мы сварили кофе. Очень вкусный. Будешь?

Лео. *(Максу)* Нет у нас никакого кофе.

Макс. *(Лео)* Ничего, он быстро варится. Мы можем просунуть тебе чашечку через маленькую щелочку. Можешь приоткрыть?

Лео. Открывай уже, хватит.

Макс. Ну раз тебе хорошо там сидится, то сиди. Дуешься, так дуйся. Неужели тебе там стыдно стало за свое поведение?! Если есть повод, то сиди. Но пойми, пожалуйста, рано или поздно нам тоже туалет понадобится. И, возможно, даже очень скоро. Ладно, Джонни. Все, что ты сказал мне, когда был голым... все это правда, конечно. Справедливо. Даже когда ты из меня лошадь сделал, тоже было нормально. Я, кстати, совсем не в обиде. И не больно было ни капельки.

Лео. *(шепотом)* Ты на свои колени посмотри.

Макс. *(еще тише)* Ну, конечно, очень было больно, но не буду же я теперь ему это афишировать...

Лео. Кстати, я тоже на тебя не злюсь. И даже прощаю тебя. И ты, кстати, сам прости меня. Я это всё скорее для себя говорил, чем для тебя. Пойми. И хорошо, что ты мне как следует врезал, я, честно говоря, сам нарывался...

Макс. Ну это уже перебор, Лео.

Джонни выходит.

Джонни. Да... Ты что, серьезно сжег всю мою одежду?

Лео. Очень уж гореть она не хотела. Особенно, трусики ваши – одна синтетика!

Джонни. Теперь это не имеет значения. Кофе-то где?

Макс. Сейчас заварим.

Джонни. Хочешь, я заварю?

Макс. Нет. Давай уж лучше я.

Лео. Макс...

Макс. Да.

Лео. Ты вот сказал мне, что я мертвец...

Макс. Забудь, не будем об этом больше.

Лео. Нет. Послушай. У меня появилась хорошая идея. Вот, предположим, я умру... Моя душа отделится от тела... Вот так.... Это камера, кстати, может наглядно показать. *(Лео поднимает камеру над своей головой и направляет объектив сверху на свое лицо - изображение появляется на экране телевизора. Закрывает глаза.)* Я могу наблюдать за собой с высоты птичьего полета.

Макс. Это как в лифте что ли?

Лео. А давайте совершим групповое самоубийство прямо на этом диване?

Макс. Что совершим?

Лео. Всё! Смотрите! Мы живем последние секунды нашей жизни... Садитесь рядом со мной, ребят. Вот сюда. Считаю до трех и... мы умираем.

Макс. Прости, что встречаю, но я как-то не особенно верю в существование души.

Лео. Обязательно надо верить, иначе не подействует. Давайте, всё замираем, никаких движений. Раз, два, три, и нас больше нет.

Стоп-кадр. На экране телевизора – лица трех героев с закрытыми глазами.

Лео. Джонни, ты когда сам на себя смотришь, ты что о себе думаешь? Как ты себя видишь? Какого ты сам о себе мнения? Что такое твоя жизнь сегодня?

Джонни. Не знаю даже... Да вроде все у меня нормально.

Лео. Прямо всё-всё?

Джонни. Ну давай, расскажи обо мне.

Лео. Здесь лежит Джонни. Он был горячим парнем, человеком дела. Настоящий бойскаут.

Макс. Флаг носил, потому что был самый длинный. Для этого никаких талантов не требуется.

Лео. Потом он поступил в университет и стал журналистом. Он любил вкусно поесть и большие машины.

Макс. Особенно хаммеры.

Лео. И у него были женщины... много женщин. Сотни женщин.

Макс. Нет, тысячи, тысячи...

Лео. А еще у него была популярная программа на ТВ. Ток-шоу. «Alter ego» называлась.

Макс. Точно. Но не все любили его рожу. Возможно, потому, что он ее слишком любил... И только когда у него открылись глаза...

Лео. Его уволили. И потом он умер.

Пауза.

Лео. А вот рядом с ним лежит его брат, Макс. Он был чувствительным, застенчивым малым.

Макс. Да, это верно.

Лео. Однажды в детстве, в лагере кто-то насрал ему в ботинки, и он так сильно разозлился на всех, что две недели не проронил ни слова.

Джонни. И до сих пор он такой же злой. Потому что до сих пор не знает, кто совершил этот гнусный поступок.

Лео. И ведь, наверняка, это были его ближайшие друзья...

Показывает на себя.

Макс. Что, неужели, кто-то из вас?

Лео/Джонни. Но он так никогда и не узнал всей правды.

Лео. Он был талантливый художник. И поэтому он стал успешным дизайнером. У него была подружка Хейди. Но в один прекрасный день Хейди ушла и Макс забаррикадировался у себя в квартире и стал очень одиноким.

Джонни. Да, и потом он стал всех ненавидеть. Он не доверял даже психоаналитикам, потому что ему казалось, что его врач ничего не знает и ничего не умеет. Потом он решил купить всю литературу по психоанализу и стал ее штудировать. Он хотел разобраться со своими проблемами сам. Он поссорился с Хейди, со своими родителями, потом звонил им по очереди и обвинял их во всех своих бедах. И когда он стал понемногу осознавать, что ему могут помочь совсем другие люди...

Лео. Он неожиданно умер.

Пауза.

Джонни. Ну, а кто этот третий?

Лео. Он был самый обыкновенный, скучный парень.

Джонни. Не надо так о нем говорить. Он был моим другом. В лагере он был нашим командиром. А в школе он был отличником. А потом он стал инженером. В молодости он полюбил одну девушку, и они были долго счастливы. Как минимум, десять лет.

Лео. Тринадцать.

Джонни. Вот именно. Он всегда думал, что у них в семье полный порядок.

Макс. Но, может быть, он слишком много работал.

Джонни. Может быть, он просто носил розовые очки.

Макс. И как раз один его хороший друг втюхал ему про смысл жизни...

Лео. Давай я попробую угадать... Неужели сразу после этого он умер?

Джонни. Как ни печально, да!

Тишина. Мужчины сидят на диване и думают каждый о своем.

Макс. *(орет, все вздрагивают.)* Аaaa! Бля! Виктор Хара!

Лео. Черт!

Джонни. Что такое?

Макс. Виктор Хара! Гитарист, ну этот друг Пабло Неруды, которого убили!

Джонни. А... Виктор Хара. Да...

Макс. Вспомнил, наконец!

Лео. Друзья! Мне домой пора.

Макс. И что ты там будешь делать?

Лео. Да... Я спрошу у Мари, что она думает о любви. Каково ее мнение? Сейчас, когда вы научили меня иначе мыслить... Я ведь теперь знаю, кто такой Альмодовар.

Макс. Отличная идея. Понимаешь, Альмодовара надо смотреть несколько раз.

Джонни. Ну, Лео, кажется, собрался домой не для того, чтобы смотреть с женой кино.

Макс. *(Лео)* Разве нет?

Лео. Ну... Может быть... Может быть... Но позже. Мне еще надо самому разобраться, о чем там идет речь.

Макс. Там про отношения между матерью и сыном.

Джонни. Слушай, не начинай.

Макс. Я думаю, что мне надо бы спуститься в магазин, прикупить себе что-нибудь.

Джонни/Лео. Ого!

Макс. Ну вот. Конечно, не прямо сейчас, а там... завтра, послезавтра, послепослезавтра...

Джонни. А я все думаю о Карите...

Лео. Влюбился что ли?

Джонни. Нее... Может быть, все-таки сходить с ней куда-нибудь в кино... или там...

Лео. Я просто спрошу у Мари. «Ты меня любишь?»

Джонни. Хороший вопрос.

Макс. Да, неплохой.

Лео. Ты меня любишь? *(большая пауза)* Ты меня любишь?

Макс. Только не надо вот так вот при ней это повторять.

Звучит музыка, с каждым тактом все громче. Мужчины повторяют обрывки своих фраз, как бы разговаривая друг с другом.

Лео. Ты меня любишь?

Джонни. Конечно, он может сказать...

Макс. Только не надо вот так вот при ней это повторять.

Лео. Ты меня любишь?

Макс. Ну, да, да, да...

Конец.

Павел Руднев

+ 7 (495) 3631079раб, + 7 (903) 5222489моб

pavelrudnev@mtu-net.ru, rudnev@meyerhold.ru